

© 2016 г.

Т.В. ЕВДОКИМОВА, Л.В. ЛАННИК

МИНИСТРЫ РЕЙХСВЕРА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Фразы о том, что армия в Пруссии, а затем и в объединенной ею Германии являлась “государством в государстве”, давно стали общим местом в историографии и публицистике, а аргументы в ее пользу составили сотни томов литературы. Тем не менее тезис об установлении в Германской империи открытой военной диктатуры, даже в разгар тотальной войны в 1916–1918 гг., нельзя считать доказанным¹, а последующий крах Второго рейха и версальские ограничения должны были радикально изменить взаимоотношения между государством и армией, генералитетом и правительством, обществом и офицерством. Поиску и оформлению нового положения военных в хрупкой Веймарской республике были посвящены мучительные первые годы ее существования, а найденный *modus vivendi*, казалось, нес черты приемлемого как для штатских, так и для военных компромисса. Внешне изменилось очень многое, а некоторые из обязательств рейхсвера, направленные на сохранение республиканского государственного устройства, казалось, открывают совершенно новую эпоху истории германской армии, теперь подведомственной гражданскому лицу, рейхсверминистру.

За годы Веймарской республики сменилось два рейхсверминистра из “штатских” (Г. Носке, О. Гесслер) и два рейхсверминистра из кадровых военных (В. Грёнер, К. Шлейхер)².

Правовые рамки деятельности рейхсверминистра определялись веймарской конституцией 1919 г. и законом 1921 г., регламентировавшим воинскую службу. Свообразие его положения заключалось в том, что, с одной стороны, возглавляя высшее административное учреждение вооруженных сил и являясь начальником для служащих военного министерства, он входил в состав кабинета, руководящая линия деятельности которого определялась рейхсканцлером (ст. 56 конституции). Но, с другой стороны, рейхсверминистр выполнял не только управленческие функции, но и командные. Это было связано с тем, что назначал и увольнял рейхсверминистра (как впрочем, и любого другого рейхсминистра) рейхспрезидент, который предоставил ему право выполнять функции главнокомандующего. Согласно закону, регламентировавшему воинскую службу, рейхсверминистр занимал промежуточное положение между рейхспрезидентом и военными институтами (раздел 1, параграф 8)³. Так как сам рейхс-

---

Евдокимова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия).

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

¹ См., например: *Thof B. Nationale Rechte, militärische Führung und Diktaturfrage in Deutschland 1913–1923.* – *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 1987, № 2, S. 27–76.

² *Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik.* München, 1988, S. 105, 112, 240–241, 293–294.

³ *Wehrgesetz vom 23. März 1921.* – *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte.* Bd. 4. Stuttgart, 1992, S. 203.

президент являлся и главой государства, и верховным главнокомандующим (ст. 47 конституции), то рейхсверминистр находился в двойном подчинении по отношению к нему. Согласно ст. 50 конституции рейхсверминистр обладал правом второй подписи и был обязан визировать все акты президента, которые принимались в военной области, беря на себя ответственность⁴. С другой стороны, рейхспрезидент, являясь верховным главнокомандующим, мог давать указания подчиненному рейхсверминистру при решении командных вопросов.

Представленный анализ правового положения рейхсверминистра Веймарской республики позволяет сделать вывод о том, что новая должность совмещала, казалось, несовместимые сферы деятельности в лице одного человека: армию (рейхсвер) и государственное управление. Веймарская конституция стремилась таким образом обеспечить примат политики над армией и осуществлять президентско-парламентский контроль над вооруженными силами и военно-политическим руководством. Это во многом объяснялось той ролью, которую до этого играли представители ОХЛ⁵ в годы Первой мировой войны при формировании правительств Германии, в том числе первого демократического правительства Макса Баденского⁶, где офицерский корпус попытался выступить уже не только в качестве профессиональной военной элиты, но и социально-политического фактора. Начавшаяся революция в Германии и падение монархии привели к подписанию пакта между представителями революционной власти в лице Совета Народных Уполномоченных (Эберт) и военными (Грёнер), согласно которому правительство брало на себя стабилизацию обстановки внутри страны, а Ставка сохраняла дисциплину в войсках при демобилизации. После этого Генеральный штаб отказался участвовать как в переговорах о перемирии, так и в подписании Версальского договора, возложив всю ответственность за поражение в войне на гражданских лиц, авторов так называемой “мирной резолюции” от 19 июля 1917 г., призывавшей к миру, где “царят взаимопонимание и примирение”⁷.

Социал-демократы большинства, сыгравшие главную роль в революционных событиях, начали процесс оформления новой власти, заняв в феврале 1919 г. главные посты в государстве – рейхспрезидента, рейхсканцлера, а также и министра рейхсвера. Последним стал Густав Носке, депутат последнего рейхстага кайзеровской Германии, считавшийся специалистом по военной и колониальной проблематике. Хотя к вооруженным силам до 1918 г. Носке отношения не имел, в партии его считали достаточно осведомленным в вопросах о положении в армии и на флоте. Когда началось революционное выступление моряков в Киле⁸, Носке, никогда не служивший в армии, 3–4 ноября 1918 г. принял командование над 80 тыс. чел., призывая солдат и матросов стать защитниками народа, а не олицетворением беспорядков. В условиях гражданской войны в Берлине, войдя в конце 1918 г. в Совет Народных Уполномоченных, он взял на себя ответственность за карательные меры, став “кровавой собакой” (как он сам определил свою роль⁹) с целью подавления революционных выступлений рабочих. Новой власти было не на кого опереться, кроме так называемых фрайкоровцев, добровольческих частей из бывших фронтовиков, как правило, резко отрицательно настроенных по отношению к республике или к ее создателям. Они жестоко расправились с лидерами КПП, К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Тем самым, по мнению Б.С. Орлова,

⁴ Die Weimarer Reichsverfassung. – Ibid., S. 159–160.

⁵ От нем. Oberste Heeresleitung – Верховное главнокомандование.

⁶ Deutsche Verwaltungsgeschichte. Bd. 3. Stuttgart, 1984, S. 875–876.

⁷ Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1991, S. 296.

⁸ Одним из лучших описаний политических причин, побудивших моряков к восстанию, является статья В. Дайста (*Deist W. Die Politik der Seekriegsleitung und die Rebellion der Flotte Ende Oktober 1918. – Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte, 14, 1966, Hf. 4, S. 341–368*). Ход собственно революционных событий подробно описан в сотнях статей и в воспоминаниях самого Носке.

⁹ *Cziszick U. Gustav Noske. Ein sozialdemokratischer Staatsmann. Göttingen – Zürich – Frankfurt a.M., 1969, S. 53.*

Носке скомпрометировал себя среди социал-демократов и на долгие годы стал единственным примером использования социал-демократами военного насилия вплоть до физического уничтожения людей¹⁰.

Самым парадоксальным при вступлении Носке на пост рейхсверминистра в составе правительства Шейдемана (февраль 1919 г.) являлось то, что рейхсминистр был, а четкое представление о будущем германской армии отсутствовало, сама же она находилась в аморфном состоянии. После окончания боевых действий на фронтах в германских войсках насчитывалось 8 млн чел. (по другим данным – свыше 10 млн¹¹); непосредственно в Германии – 2,7 млн чел. Кадровый офицерский корпус на момент окончания военных действий насчитывал 34 тыс. чел., число резервных офицеров достигало еще 200 тыс.¹² Фронтвики подлежали демобилизации, которая началась в январе 1919 г.¹³ Версальский мирный договор создавал жесткие международно-правовые рамки, в которых республика и рейхсвер должны были сосуществовать. Наряду с отторжением ряда территорий от Германии, наложением огромной суммы репараций, резким ограничением вооружений, предусматривалось сокращение сухопутных войск до 100 тыс. солдат, при 4 тыс. офицеров, и флота до 15 тыс. чел., из них 1,5 тыс. морских офицеров. Согласно 106-й статье Версальского договора, германский рейхсвер должен был только отвечать “за порядок внутри германских областей”, его сил хватило бы фактически только на то, чтобы выполнять функции центральных органов полиции. При этом министерству внутренних дел в борьбе с военными приходилось настаивать на максимальном увеличении собственно полиции, даже если для этого нужно пожертвовать численностью армии¹⁴.

После ухода в отставку правительства Ф. Шейдемана, отказавшегося принять условия Версальского договора, Эберт хотел назначить Носке на пост рейхсканцлера. Однако он всё же оставил его рейхсверминистром в новом правительстве Г.А. Бауэра, учитывая негативное отношение к нему со стороны социал-демократов, а также заявление генералов о том, что только пребывание Носке на посту министра рейхсвера может гарантировать лояльное отношение войск к правительству.

Поставив перед собой задачу реформирования армии, Носке рассматривал в качестве важного условия ее решения однозначное подчинение военного руководства политическому.

Под руководством Г. Носке удалось совершить переход от добровольческого фольксвера (народного ополчения) и многочисленных отрядов фрайкоровцев¹⁵ к защите рейха и германских восточных границ с помощью “временного рейхсвера”, который в марте 1919 г. получил законодательные основы и просуществовал до марта 1921 г. Однако попытки демократизации армии, что предполагало выборность командиров, отмену знаков различий и т.д., не привели к укреплению дисциплины и порядка в армии.

¹⁰ Орлов Б. На перекрестках судьбы. Избранное. М., 2000, т. 1, с. 46.

¹¹ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4. München, 2003, S. 416.

¹² Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919–1961. München, 1965, S. 89. См. дополнительную литературу в: Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016, с. 182–183.

¹³ Bessel R. Germany after the First World War. Oxford, 1995, p. 12 ff. В апреле в войсках оставалось – 800 тыс. чел., в октябре 1919 г. – 250 тыс.

¹⁴ См. подробнее: Carsten F.L. The Reichswehr and Politics 1918–1933. Berkeley, 1966; Vogelsang T. von. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930–1932. Stuttgart, 1962.

¹⁵ Численность бойцов фрайкоров в первые годы Веймарской республики в зависимости от временных рамок, корректности использования этого термина по отношению к ряду военизированных группировок и территориального охвата оценивается в 250–400 тыс. чел. Литература о них огромна. См., например: Tessin G. Deutsche Verbände und Truppen 1918–1939. Altes Heer. Freiwilligenverbände. Reichswehr. Heer. Luftwaffe. Landespolizei. Osnabrück, 1974.

Осознавая сложность положения и не имея поддержки среди коллег по партии (Носке сомневался в наличии добровольцев среди социал-демократов, готовых встать на защиту республики от внутренних врагов¹⁶), однако, заручившись уважением некоторой части офицерства, оценившей его меры по наведению порядка в Киле и в Берлине, он обратился за помощью к тем генштабистам, которые согласны были работать вместе с социал-демократами, хотя бы потому, что последние не обладали опытом армейского строительства. В результате деятельности ставшего последним прусским военным министром вюртембергца и одного из лучших генштабистов В. Рейнхардта (1919–1920) были заложены основы единой армии Германии¹⁷. Во Втором рейхе прусская армия оставалась армией прусского короля и германского императора. Наряду с ней существовали королевские армии Баварии, Саксонии, Вюртемберга. Теперь предполагалось ликвидировать их самостоятельность, не считая элементов прежней символики, и окончательно объединить контингенты земель федерации в одну имперскую, рейхсвер. 20 августа 1919 г. военные министры Баварии, Саксонии, Вюртемберга передали дела военной администрации бывших королевств министерству рейхсвера, а 30 сентября 1919 г. и военный министр Пруссии Рейнхардт расформировал части прусской армии и включил их в состав рейхсвера¹⁸.

Реформаторскую деятельность Носке поддержала только незначительная часть офицерского корпуса кайзеровской армии¹⁹. Большинство выступило против республиканского руководства, организовав в марте 1920 г. путч Каппа – Лютвица. Так как кто-то должен был нести ответственность за попытку государственного переворота, то Носке сделали “козлом отпущения”, отправив его в отставку как министра рейхсвера, не сумевшего отвести опасность от республики²⁰.

До конца пребывания на государственных постах Носке пользовался поддержкой и доверием рейхспрезидента Ф. Эберта, который распоряжением от 20 августа 1919 г. передал рейхсверминистру право верховного командования над армией германского рейха, обосновывая это тем, что он сам “в известной мере не отдает напрямую приказов”. Ф. Эберт как мог сопротивлялся отставке Носке, однако 25 марта 1920 г. пошел на это, выразив ему признательность за его вклад в “создание нового демократического государственного порядка”. Говоря о заслуге Носке в восстановлении государственности, Эберт выразил надежду, что его деятельность “не будет забыта в истории нашего отечества”²¹. (По иронии судьбы, оценка деятельности Носке и Эберта действительно не забыта и до сих пор среди историков является предметом острых дискуссий.)

С отставкой Носке процесс интеграции армии в государство остановился; армия и социал-демократия отдалились друг от друга. Новым военным рейхсминистром стал Отто Гесслер (1875–1955), уроженец Вюртемберга, юрист по образованию, бывший обер-бургомистр Регенсбурга и Нюрнберга, один из основателей Германской демократической партии (ГДП)²². Перестройка же рейхсвера оказалась в руках получившего

¹⁶ Jacobsen H.A. Militär, Staat und Gesellschaft in der Weimarer Republik. – Die Weimarer Republik 1918–1933, S. 350.

¹⁷ Подробнее об этом периоде его карьеры см. Ernst F. Aus Nachlaß des Generals Walther Reinhardt. Stuttgart, 1958.

¹⁸ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte, Bd. 4, S. 197–198.

¹⁹ Редким примером может быть Э. ван дер Берг, руководитель одного из департаментов военного ведомства, ушедший в отставку, когда убедился, что рейхсвер не станет подлинно республиканской армией, см. Aus den Geburtsstunden der Weimarer Republik. Das Tagebuch des Obersten Ernst van den Bergh. Düsseldorf, 1991, S. 11–16.

²⁰ Noske G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin, 1920.

²¹ Czisnick U. Op. cit., S. 89.

²² Один из современников давал Гесслеру такую характеристику: “Он обладал природным обаянием. Один из немногих искусных политиков, производил внешнее впечатление веселого, смеющегося ребенка, который не может быть сердитым. Так он обводил вокруг пальца самого озлобленного противника” (Reibnitz K.v. Gestalten rings um Hindenburg: Führende Köpfe der Republik und die Berliner Gesellschaft von heute. Dresden, 1928, S. 47).

впоследствии широкую известность Г. фон Секта, который в Берлине до 1919 г. был мало известен даже среди военных, не говоря уже о политиках.

Пользуясь доверием двух рейхспрезидентов, Эберта и Гинденбурга, Гесслер видел свою главную задачу в том, чтобы, используя политическое прикрытие, развивать вооруженные силы Германии, сделав их совершенным орудием власти. Поэтому Гесслер отделил свое ведомство и свой пост от других постов и должностей, которые являлись политическими, получив признание как “Fachminister”, т.е. министра, наделенного специальными полномочиями. Это позволило сохранить ему армейское ведомство в своих руках в составе 13 кабинетов. Честность Гесслера никто не ставил под сомнение, в то время как его деятельность на посту рейхсверминистра вызывала критические замечания и споры, особенно со стороны военных.

При этом у последних едва ли имелись поводы испытывать им недовольство: считая право рейхсверминистра отдавать приказы “фикцией”, узаконенной Веймарской конституцией, он стремился “быть честным маклером между новой государственной властью и вооруженными силами”. Как рейхсверминистр он определил три направления деятельности своего ведомства:

- 1) сокращение ограничений, наложенных Версальским договором на вооруженные силы Германии;
- 2) сохранение военного духа рейхсвера;
- 3) противодействие политическому влиянию на армию.

Вскоре после вступления на пост рейхсверминистра, он заявил в рейхстаге: “Мы должны немедленно восстановить рейхсвер на демократических основах... Я должен потребовать, чтобы все члены рейхсвера признавали себя и действовали, как сторонники республики... Я буду заботиться о том, чтобы комплектование командного состава осуществлялось из [представителей] тех кругов, которые выступают за республику при условии их соответствия служебным требованиям”²³.

Чувствуя “глубокое уважение к консервативным традициям Германии” Гесслер всё же являлся “республиканцем по разуму” И, как следует из его воспоминаний, говоря на словах о необходимости заботиться о республике, он мучительно решал для себя главный вопрос, чем на самом деле является армия: партийными вооруженными силами или “инструментом государства”? “Республиканский рейхсвер” означал для него вооруженные силы, неразрывно связанные с народом и его партийными представителями в правительстве. Армия как “инструмент государства” у него ассоциировалась с таким рейхсвером, который был бы предан государству, независим от партий и смены партийных коалиций²⁴.

Будучи реалистом, Гесслер рассматривал армию как “часть государственного аппарата”. Поэтому его главным намерением и целью являлось создание и воспитание рейхсвера в духе преданности государству в соответствии с честью и долгом перед отечеством. Он считал идею насильственного превращения офицеров в идейных демократов и республиканцев утопичной и видел свою задачу в том, чтобы вывести рейхсвер и офицерский корпус из-под влияния партийного государства²⁵.

²³ Wohlfeil R., Dollinger H. Op. cit., S. 79.

²⁴ См. Gessler O. Aufbau der neuen Wehrmacht. – Reiner W., Dollinger H. Die deutsche Reichswehr: Bilder, Dokumente, Texte zur Geschichte des Hunderttausend-Mann-Heeres 1919–1933. Frankfurt a.M., 1972, S. 78.

²⁵ Н.Н. Крестинский в своем информационном письме от 20 августа 1923 г. приводит интересный факт о взаимоотношениях и ранее считавшейся “красным королевством” Саксонии и рейха: “Рейхсверминистр Гесслер ввиду вредного влияния саксонского правительства на дисциплину в рейхсвере запретил офицерам рейхсвера в Саксонии вступать в какие-либо официальные сношения с саксонскими властями и принимать участие в официальных торжествах. Поэтому празднование дня конституции в Саксонии происходило без участия рейхсвера” (Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0165, оп. 1, п. 101, л. 3, л. 17).

Несмотря на то, что Гесслер постоянно выступал в поддержку рейхсвера, он тем не менее не решался укреплять свой авторитет как рейхсверминистра в войсках, хотя и пользовался их уважением. Он рассматривал себя как представителя рейхсвера в парламенте, защищавшего армию от нападок (“пулеуловитель”), и как руководителя министерской управленческой бюрократии, которая осуществляла “техническое право отдавать приказы”²⁶. Финансовое самоуправство подчиненных ему органов (так называемый “Фёбус-скандал”) вынудило Гесслера в январе 1928 г. уйти в отставку²⁷.

В первой половине 1920-х годов пути развития армии определял не рейхсверминистр Гесслер, а генерал Ганс фон Сект (1866–1936), монархист, истый пруссак, в годы Первой мировой войны руководивший штабами группы армий знаменитого Макензена, а также османским Генштабом, принявший революцию как неизбежность. Гесслер, будучи штатским, с преувеличенным почтением относился к профессиональной квалификации Секта и уступал ему по многим вопросам.

Сект, воспринимавший республику как “аномалию”, организовывал рейхсвер как “тотальную партию”. Для сохранения своего особого положения рейхсвер придерживался курса, который служил политическим и стратегическим целям офицерского корпуса. Секту даже удалось отстоять традиционные прусские порядки в распределении командной власти и в командных и дисциплинарных правах. Он культивировал принцип “надпартийности”. И всё же за годы республики, которая только 5,5 лет жила вне условий чрезвычайного положения²⁸, военная диктатура так и не была установлена. Таким образом, рейхсвер выступал в роли своеобразных “скоб”, скреплявших единство государства.

Создавая основы профессиональной армии, Сект стремился сделать свою должность высшей военной служебной и командной инстанцией армии при рейхсверминистре. При нем глава военного командования получил возможность проводить персональную политику в отношении офицерского корпуса, в то время, как рейхсверминистр исполнял обязанности исключительно как руководитель чисто управленческого аппарата.

Чрезмерное усиление позиций Секта за 1920–1926 гг., а также давление со стороны стран-победительниц, недовольных плохо скрываемыми настроениями реваншизма в армии, побудили рейхспрезидента генерала-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и правительство воспользоваться политическим скандалом для смещения Секта²⁹. Сект был отправлен в отставку, его преемники – В. Хайе и К. фон Хаммерштайн-Экворд никогда не пользовались влиянием, сравнимым с властью Секта³⁰.

²⁶ *Jacobsen H.A.* Op. cit., S. 351.

²⁷ Капитан 1-го ранга Ломан, начальник отдела военно-морского транспорта адмиралтейства, манипулировал определенными специальными счетами, осуществляя за счет этих средств различные проекты по перевооружению флота, которые были запрещены согласно Версальскому договору. Хотя никакого присвоения денег в личных целях не было, многие операции противоречили основным принципам использования бюджетных средств. Он, например, использовал фонды военно-морского флота для спонсирования киностудии “Фёбус”, которая снимала фильмы, призванные привлечь интерес германской общественности к оборонным мероприятиям и укреплению военно-морской мощи, а также поднять престиж Германии за границей. Опубликованные в прессе откровения уволенного директора киностудии сделали эту историю достоянием гласности. Комиссия рейхстага занялась расследованием операций Ломана, и Гесслер счел себя ответственным за этот скандал как министр обороны. См. подробнее: *Remmele B.* Die maritime Geheimrüstung unter Kapitän z.S. Lohmann. – *Militär-geschichtliche Mitteilungen*, 56, 1997, S. 313–376.

²⁸ *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4, S. 419.

²⁹ *Wohlfeil R., Dollinger H.* Op. cit., S. 87.

³⁰ Поводом для отставки Секта стала подготовка им новых правил по судам чести, которые могли вновь разрешить дуэли, и особенно сочтенное незаконным участие в осенних маневрах 1926 г. старшего сына кронпринца Вильгельма в качестве краткосрочного добровольца в рейхсвере, что вызвало огромный резонанс и острую реакцию Гесслера (АВП РФ, ф. 165, оп. 6, п. 131, л. 184, л. 113–116). Подробное и весьма откровенное описание ситуации с точки зрения Секта с намеками на его планы военного переворота см. *Seeckt H. v., Rabenau F.* Aus seinem Leben 1918–1936, Bd. 1. Leipzig, 1940, S. 533–556.

Политика Секта не оправдала себя, так как его концепция достижения внешнеполитических целей – ревизия Версальского договора, восстановление великодержавных позиций Германии на европейской и мировой арене – и его старые представления о будущем Германии недостаточно соотносились с конкретно-исторической обстановкой. Неуместными оказались и идеи Секта о сохранении традиционной модели взаимоотношений армии и государства, что получило название “вильгельмовской” военной концепции Секта.

Ей противостояла идея тотальной мобилизации и милитаризации нации в “народной войне”. К концу 1920-х годов утвердилась “современная концепция” войны, согласно которой основой германской военной политики должна быть подготовка “общественной” войны.

Проводником данной идеи являлся генерал Грёнер. Не имея дворянского происхождения, Вильгельм Грёнер (1867–1939), будучи уроженцем королевства Вюртемберг, для жителей которого были характерны открытость и интерес к политическим проблемам, выделялся среди преимущественно прусских генштабистов кайзеровской армии и рейхсвера. Активный этап его военно-политической деятельности совпал с началом Первой мировой войны. В течение ряда предвоенных лет он возглавлял железнодорожный отдел Генерального штаба, отвечая в случае начала военных действий за проведение развертывания войск. С августа 1914 г., будучи лишь подполковником, в течение двух лет занимал пост начальника полевых железных дорог. В ноябре 1916 г. он получил чин генерал-лейтенанта (став единственным германским офицером, повышенным за годы войны на три звания) и был назначен главой нового ведомства, координировавшего работу нескольких военно-экономических инстанций (Kriegsamt). Деятельность на этом посту способствовала глубокому пониманию сути руководства современной войны, установлению контактов с руководителями СДПГ. Вызвавший этим недовольство Людендорфа, а также ряда промышленников Грёнер в августе 1917 г. был отправлен на фронт командиром дивизии, а затем его фактически “сослали” командиром корпуса, начавшего оккупацию Украины в феврале 1918 г. Вскоре он оказался во главе штаба группы армии Эйхгорна на Украине. Здесь 26 октября 1918 г. он получил назначение на пост 1-го генерал-квартирмейстера³¹ при генерал-фельдмаршале Гинденбурге вместо Людендорфа, фактически возглавив уже 4-е Главнокомандование в этой войне. В условиях начавшейся революции он имел непосредственное отношение к отречению Вильгельма II от престола и его бегству за границу. За это он и получил среди правых прозвище “убийца короля”. 10 ноября, на следующий день после провозглашения республики, именно Грёнер заключил с новой революционной властью пакт Эберта – Грёнера с целью предотвратить неразбериху и распад государства. Именно Грёнер взял на себя координацию подготовки переговоров со странами-победительницами о перемирии, а затем принял ответственность за согласие Ставки на исполнение подписанного мира, навсегда став “черной овцой”³² для большинства кайзеровских офицеров. Поведение Грёнера объяснялось тем, что он понимал: реформирование армии может быть обеспечено только через быструю стабилизацию молодой республики.

Кроме того, вышеназванные шаги Грёнер предпринял также и для того, чтобы сохранить личность и авторитет Пауля фон Гинденбурга как мифологизированного воплощения старых прусских традиций для будущего нации³³. Последний, скорее всего, осознавал это. Посему, несмотря на то, что социально-политическая активность Грёнера в ноябрьские дни 1918 г. вызывала подозрительность среди представителей офицерского корпуса, Гинденбург, став рейхспрезидентом, назначил его на пост

³¹ См. о деятельности Грёнера в последние две недели существования монархии: *Rakenius G.W. Wilhelm Groener als erster Generalquartiermeister. Die Politik der Obersten Heeresleitung 1918/19.* Boppard/R., 1977, S. 15–71.

³² *Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg.* Göttingen, 1957, S. 506 ff.

³³ *Дорпален А. Германия на заре фашизма.* М., 2008, с. 27.

рейхсверминистра (1928–1932). Так закончилось пребывание гражданских лиц на посту министра рейхсвера.

Оборонная политика Грёнера была направлена на защиту восточных границ и достижение равенства вооружений с Францией³⁴. Задачи армии внутри страны заключались в том, чтобы военными средствами “защитить и спасти государство от распада”. Рейхсверминистр стремился вывести армию из той общественной изоляции, в которой она оказалась со времен Секта, и как можно скорее интегрировать ее в республиканское государство. Ему удалось сконцентрировать в своих руках военно-политическую власть в результате отстранения от должности командующего сухопутными войсками генерал-лейтенанта Вильгельма Хайе (1926–1930). Последний никогда не обладал авторитетом своего предшественника Секта. Более мягкий и уступчивый Хайе, несмотря на высочайший профессионализм, всегда находился за спиной Грёнера, хотя некоторое время занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера после Людендорфа и мог бы оказаться на месте Грёнера еще осенью 1918 г. Его ошибкой стало то, что он не воспрепятствовал созданию в составе министерства рейхсвера особой службы во главе со Шлейхером, целью которой являлось ослабление позиции главы сухопутных войск.

В лице Грёнера соединялись компетентность профессионала и современные политические представления об облике современного солдата, призванного оказывать с точки зрения Грёнера решающее влияние на внутривнутриполитическое развитие Германии. Классическими стали слова Грёнера о том, что “в политической жизни Германии не должно больше сдвинуться ни один камень без того, чтобы слово рейхсвера не оказалось решающим”³⁵. Грёнер придерживался новой концепции, согласно которой развитие армии должно быть неразрывно связано с социально-экономическими и политическими сферами жизни государства, а именно это и являлось ключевым в его понимании политики, особенно выделяясь при сравнении с довоенными взглядами, распространенными среди кайзеровского офицерства.

Главными принципами деятельности Грёнера были концентрация военно-политического руководства на министерских должностях, координация военного планирования с учетом конкретно-исторической ситуации, кооперация с гражданскими органами исполнительной власти. Или – 3 “К”: концентрация, координация, кооперация.

Тезис о необходимости осуществления политики кооперации военных с гражданскими лицами во многом явился следствием практической деятельности Грёнера в годы войны. В условиях веймарской Германии он рассматривал вооруженные силы не как самоцель, а как инструмент, подчиненный государству и ответственный за свои действия. С точки зрения Й. Хюртера, за проводившейся Грёнером политикой вооружений не было никаких агрессивных намерений или идей реванша³⁶, Грёнер не стремился к созданию единого целого милитаристского государства или введению военной диктатуры. Однако сам Хюртер делал оговорку, что это направление подвержено опасности экстремизма, так как имеет тенденцию к самостоятельному развитию.

Раскрыв руководству рейха военные планы, включая и нелегальные, в отношении ревизии Версальского договора, Грёнер, имевший опыт правительственной деятельности, ибо ранее занимал пост рейхсминистра путей сообщения, привлек все политические силы рейхскабинета – от СДПГ до консервативной ГННП (Германской национальной народной партии). Он подчинил их своему влиянию в политических и финансово-технических сферах, когда заставил правительство социал-демократа Г. Мюллера открыто заявить о программе вооружений. Особое внимание Грёнер уделял налаживанию отношений с членами комитета по бюджету, руководителями фракций ведущих партий, чтобы скрыть от общественности нарушение условий Версальского

³⁴ *Hürter J.* Wilhelm Groener. Reichswehrminister am End der Weimarer Republik (1928–1932). München, 1993, S. 356.

³⁵ *Hürter J.* Op. cit., S. 261, Anm. 257.

³⁶ *Ibid.*, S. 362.

договора. Наибольшую сложность для Грёнера представлял контрольный механизм рейхстага над тайными вооружениями и работа с ним.

С принятием первой программы вооружений 1928 г. военная политика стала составной частью государственного курса, и программа вооружений вышла из полулегального состояния. Происходила координация военного планирования в соответствии с внутренней и внешней политикой.

Препятствием для реализации планов Грёнера являлось настороженное отношение общественных сил к рейхсверу и непонимание курса Грёнера внутри самого рейхсвера. Грёнер хотел изменить отношение общества к армии с помощью создания милиции, с которой могли бы себя идентифицировать все силы народа. По его мнению, нормализация положения в области военной политики должна означать появление такого рейхсвера, который был бы предан Веймарской республике и не считался органом генералитета или традиционной клиентелы. Непременным условием существования такого рейхсвера должна стать надпартийность (но не аполитичность!), выступавшая в качестве основного фактора проведения политики консенсуса³⁷.

Однако цель создания надпартийного рейхсвера вряд ли могла быть достигнута в поляризованной атмосфере последних лет Веймарского государства, когда требовалась четкая партийная ориентация. Если в правительстве пытались найти *modus vivendi* в условиях постоянной “кабинетной чехарды”, то в парламенте и за его стенами партийные страсти, причем радикальные, не утихали. Т.е. база для проведения компромиссной военной политики вне рамок исполнительной власти всё больше сужалась. Внутри самого рейхсвера курсу Грёнера была противопоставлена альтернатива, которая предполагала сближение с нацистским движением, что нашло публичное отражение в судебном процессе 1930 г. в Лейпциге³⁸.

В конце концов Грёнер стал жертвой растущей поляризации общественно-политических сил. Выйдя за рамки чисто военной политики и сделав ее составной частью общегосударственной, он оказался внутри политического курса, который строился на партийно-парламентских демократических основах. Выходило, что Грёнер, который хотел вывести рейхсвер из политики, активно в нее вошел сам и привел туда рейхсвер. Связь армии с государством обывала военно-политическое руководство защитить государство в кризисной ситуации. Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис угрожал не только социально-экономическим и политическим основам осуществления политики вооружений. Он дестабилизировал само государство. Политические задачи стали первоочередными по сравнению с военными.

В результате Грёнер поддержал политику президиальных кабинетов Брюнинга, так как она соответствовала его убеждениям: во время национального кризиса все политические противоречия должны отступить перед необходимостью проведения единой государственной политики. Его не интересовала ни монархическая реставрация, ни установление диктатуры любого рода. Дистанцируясь, как и большинство немцев того периода, от парламентской системы, он тем не менее признавал важность совместных действий с различными политическими силами. Однако его практическая деятельность в этой области не имела успеха. Заняв в октябре 1931 г. двойной пост, рейхсверминистра и рейхсминистра внутренних дел, Грёнер не сумел реализовать как во внутриполитической, так и в военной сфере, идею союза всех сил для преодоления кризиса. В качестве основного пути для ее осуществления он рассматривал создание военной спортивной организации под контролем государства. Это должно было ускорить реализацию его проекта создания милиции, способствовать оздоровлению

---

³⁷ Циркуляр, датированный 6 октября 1930 г., от генерала Грёнера, рейхсминистра рейхсвера, всем офицерам рейхсвера по поводу суда над офицерами рейхсвера в Лейпциге. – *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве 1650–1945. М., 2007, с. 361–362.

³⁸ Специальный циркуляр генерала Грёнера старшим командирам и полковым командирам по поводу суда в Лейпциге (там же, с. 363–364).

юношества и ослабить политический радикализм. Главной задачей его политики являлось примирение с нацистами. Когда же активность НСДАП поставила под вопрос переизбрание Гинденбурга на пост президента, Грёнер перешел в наступление и запретил СС и СА. В них он видел не только угрозу внутривнутриполитической стабильности, но и препятствие для интеграции нацистского движения в германское государство³⁹.

Переход к президентскому правлению и кабинетам, не опиравшимся на поддержку рейхстага, сконцентрировал власть в руках группы политиков, жертвами которых оказались Грёнер и рейхсканцлер Брюнинг. “Дворцовые” интриги взяли верх. Грёнер вместо того, чтобы бороться против сил, угрожавших республиканскому правовому государству, занимался реализацией утопических проектов интеграции НСДАП и ликвидацией межпартийных противоречий.

Обладая высокой компетентностью, способностью к выработке концепций, готовностью сотрудничать с демократическим государством, решительностью, в “спокойные времена Германии он мог быть идеальным рейхсверминистром”⁴⁰. Его курс мог бы способствовать утверждению военной политики в государстве и республиканской системы. Но Грёнер... стал “позорным пятном” Веймарской республики. Он не относился к числу сторонников партийной системы и парламентаризма, он являлся “республиканцем по разуму”, надеявшимся, что вооруженные силы смогут занять прочное место в политической жизни нации. Ему не удалось реализовать идею “гражданина в военной форме”, сделать рейхсвер и народ единым целым⁴¹.

Доротея Грёнер-Гейер, дочь Грёнера и автор пристрастного по понятным причинам исследования его деятельности, видела главную причину этого в том, что “Грёнер, находясь между этикой и властью, не обладал инициативной властью над людьми, которая давала возможность его противникам создать массовую опору и сметать все препятствия на своем пути”. Она различала два типа политиков: “Одни желают господствовать, не ограничивая себя в средствах; другие, отдав приоритет идее государственного благополучия, исходят из нравственного закона и правды”. С ее точки зрения, “солдат Грёнер не обладал волей к власти, которая жестко и бесцеремонно добивается того, чего требует государственная необходимость”. Учитывая субъективный характер оценки деятельности и личности Грёнера его дочерью, всё же следует согласиться с ее тезисом о том, что “история доказала: стратегическая дальновидность бывшего генерала Генштаба по сравнению с тактиками из числа политиков позволяла яснее предвидеть исторические последствия проводимого курса”⁴².

Говоря о причинах неудачи военной политики Грёнера, следует также учитывать и влияние мирового экономического кризиса, с возникновением которого проблемы интеграции и легитимизации военной элиты встали с новой силой. Общество и рейхсвер оказались перед угрозой внутривнутриполитической поляризации. С 1929 г. военная политика Грёнера стала испытывать серьезные трудности в связи с позицией прусского правительства О. Брауна, которое сопротивлялось росту военных организаций для защиты границ. Вторая программа вооружений Грёнера, первоначально одобренная политическими и военными инстанциями, подвергалась жесткой критике. Военная политика рейхсверминистерства теряла поддержку общества, а также влиятельных предпринимателей. По расчетам рейхсверминистерства невозможно было создать запланированные 21, а затем и 28 дивизий. К тому же после исчезновения экономических условий мирной ревизии Версаля военной руководство и рейхсминистерство иностранных дел решили использовать изменившуюся обстановку для перехода к новой ревизионистской реваншистской политике с использованием военной силы. На конференциях в Лозанне и Женеве удалось создать для этого необходимую основу.

³⁹ См. подробнее: *Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP 1930–1932. Stuttgart, 1962, S. 59ff., 409ff.*

⁴⁰ *Hürter J. Op. cit., S. 364.*

⁴¹ *Groener-Geyer D. General Groener. Soldat und Staatsmann. Frankfurt a.M., 1955, S. 15.*

⁴² *Ibid., S. 1.*

Достаточно важным представляется и субъективный фактор отставки Грёнера. Реформирование вермахта с целью его превращения в институт демократического государства Грёнер осуществлял с помощью своего помощника Курта фон Шлейхера. Германский исследователь А. Голеский считает, что на Шлейхера нельзя распространять такие понятия, как “солдат” и “прусский офицер”. По его мнению, Шлейхер никогда не являлся человеком, который служил в воинской части или находился бы на казарменном положении. Он делал свою военную карьеру вне традиционных рамок: не в воинской части, а в Генштабе, за что и получил пренебрежительное прозвище “бюро-генерал”, “бюро-офицер”⁴³. По замечанию современника Т. Эшенбурга, Шлейхер стал одним из немногих офицеров или даже “единственным офицером рейхсвера, который продвинулся по служебной лестнице до чина генерала, хотя не был ни командиром батальона, ни командиром полка, что традиционно являлось непременным условием для получения этой должности”⁴⁴. Исключение составляет его пребывание на Восточном фронте в годы Первой мировой войны (май – август 1917 г.) в штабе 237-й дивизии, ставшее для него необходимым и почти формальным “отбытием срока” цензового командования, нужного для следующего этапа чисто штабной карьеры.

После падения монархии Шлейхер исполнял обязанности посредника между руководством армии и правительством Эберта, а после назначения Грёнера рейхсверминистром стал фактическим госсекретарем при нем. В 1929 г. под давлением парламентского лобби для усиления контроля над военными была создана “министерская служба”. Но возглавил это ведомство не парламентарий, а генерал Курт фон Шлейхер. Его особая роль заключалась в том, что он овладел приемами и навыками публичного поведения в парламенте, что не было присуще высшему офицерству. При этом казалось, что в своих высказываниях он был искренен и действительно отказывался от прежних специфически офицерских убеждений. Данные обстоятельства – принадлежность к офицерскому корпусу и владение парламентской риторикой – и обеспечили Шлейхеру своеобразное монопольное положение, которое не занимал ни один военный. Министерское ведомство под руководством Шлейхера стало выполнять функцию политического руководства.

Между Шлейхером и Грёнером сложились, по сути, уникальные отношения, основанные на их предыдущем сотрудничестве, особенно в 1918–1919 гг., Грёнер ценил Шлейхера как человека, который обладал исключительным умением вести переговоры, в то время как он сам хорошо излагал мысли только на бумаге, а речи произносил чопорно и неуклюже. Шлейхер проявил себя искусным тактиком при ведении переговоров с бюрократией и членами парламента, занимая позицию посредника между парламентариями и военными, а даже политически гибкому Грёнеру не хватало опыта, которого у вильгельмовского офицера и быть не могло. Шлейхер, какового Грёнер считал своим учеником и соратником, являлся талантливым лоббистом, а в шкале своих ценностей при всей необычайной маневренности поведения он подчинял интересам рейхсвера все остальные.

По сравнению с Шлейхером Грёнер обладал более острым взглядом на политическую суть происходившего, хотя знал намного меньше политических деталей и нюансов. Он обладал терпением, которое отсутствовало у Шлейхера. Тот, напротив, умел предстать перед собеседником в качестве респектабельного делового партнера с прекрасными манерами, чего Грёнер в большинстве случаев делать не умел. Шлейхер мог найти к любому человеку свой подход, затронуть его чувства и расположить к себе.

Грёнер имел обыкновение говорить: “Шлейхер делает мою политику”. Под этим он понимал осуществление Шлейхером тактических операций по реализации стратегических политических планов Грёнера. Грёнер называл его “кардиналом в политике”. Но в этих же словах проявлялась и определенная ограниченность функций Шлейхера. Цена находчивость, интеллигентность Шлейхера, Грёнер никогда не характеризовал

⁴³ *Vogelsang T.* Kurt von Schleicher. Ein General als Politiker. Göttingen, 1965, S. 12ff.

⁴⁴ *Eschenburg T.* Die improvisierte Demokratie der Weimarer Republik. München, 1963, S. 244.

его как большого политика. Он считал его необычайно сведущим человеком в политике и дельным офицером. Когда же поведение Шлейхера выходило за рамки, Грёнер был уверен, что всегда сможет вовремя его остановить.

Фактически Шлейхер являлся доверенным политическим советником Грёнера, который в большинстве политических вопросов полагался на него. Грёнер был не только рейхсверминистром, но и членом правительственной коллегии. Поэтому он находился в курсе всех вопросов, которые решались или в министерстве, или в правительственном кабинете. По всем вопросам, которые касались обеспечения надежности рейха, Грёнер получал инструкции у Гинденбурга. По остальным он полагался на Шлейхера, доверяя ему подготовку и выработку решающих предложений. И в политическом, и в человеческом отношении он мог ему полностью доверять. Они обсуждали возникавшие проблемы ежедневно, иногда по нескольку раз в день. Взаимодополняющая деятельность стратега Грёнера и тактика Шлейхера создавали предпосылки для установления тесных личных контактов между ними. Но сам Грёнер рассматривал их шире. Замкнутый Грёнер доверял Шлейхеру безгранично. Он даже называл его “приемным сыном”⁴⁵.

Осенью 1931 г. при реорганизации кабинета Брюнинга Грёнер получил пост рейхсминистра внутренних дел вместо левоцентристского политика Й. Вирта. Это означало дальнейший шаг по пути возвышения Шлейхера и его самостоятельности. Однако отношения между Грёнером и Шлейхером обострились после того, как Грёнер, находясь на посту рейхсминистра внутренних дел, запретил СА и СС, а Шлейхер, заняв сначала неясную позицию, фактически выступил против решения своего начальника. В германской армии и на государственной службе было принято, что если служащий или офицер не может поддержать политику начальства или правительства, он должен подать в отставку. Шлейхер остался на службе и вместо того, чтобы смириться с обстоятельствами, на свой страх и риск приступил к осуществлению собственной политики, активизировав контакты с рейхспрезидентом, противником решения Грёнера.

Наряду с этим за спиной рейхсканцлера Папена Шлейхер вел переговоры с запрещенными организациями и ценой служебных тайн обсуждал условия ликвидации запрета военизированных организаций. По мнению Т. Эшенбурга, “здесь поведение Шлейхера граничило с государственной изменой. Когда Папен, следуя примеру Шлейхера, за его спиной вел тайные переговоры с Гитлером, то он был менее одиозен, так как Папен не являлся тогда ни служащим, ни действующим рейхсминистром”⁴⁶.

Брюнинг и Грёнер ничего не предприняли для восстановления доверительных деловых отношений с Гинденбургом. Оба были сдержанными натурами. Сказалась свойственная им инертность. Нужно было приложить значительные усилия, преодолеть себя, поставив цель сближения с рейхспрезидентом, крайне консервативным во взглядах как на себя лично, так и на политические проблемы. Они уступили место Шлейхеру, об активности которого хорошо знали, частично из-за своей инертности, частично, из-за боязни кабинетного кризиса. “Они вели себя как служащие, а Шлейхер – как политик”⁴⁷. Именно Шлейхер сменил Грёнера на посту министра рейхсвера в новом правительстве Папена⁴⁸, который еще больше сузил социальную базу военной политики, взяв курс на создание “нового” диктаторского государства, которое должно было обеспечить господство старых консервативных общественных сил и защитить интересы аграрных и промышленных кругов.

С приходом Шлейхера на пост рейхсканцлера 3 декабря 1932 г. началось усиление притязаний рейхсвера на участие во власти, что означало отклонение курса канцлера-генерала от конституционных основ. Возникла проблема, тесно связанная со статусом Шлейхера. В условиях демократии генерал, уйдя в отставку, стал министром рейхсвера,

⁴⁵ *Eschenburg T. Op. cit.*, S. 248.

⁴⁶ *Ibidem*.

⁴⁷ *Ibid.*, S. 260.

⁴⁸ См. публицистику того времени: *Brauweiler H. Generale in der Deutschen Republik*. Groener, Schleicher, Seeckt. Berlin, 1932; *Buchheit G. Im Schatten Bismarcks: Brüning-Papen-Schleicher*. Berlin, 1933.

а потом рейхсканцлером, который по объему своих полномочий приблизился к Бисмарку. Шлейхер оказался в двойственном положении, и он это осознавал. В глазах общественно-го мнения рейхсверминистр как рейхсканцлер обладал “правильным чутьем” на военную диктатуру. Для рейхсвера личность, занимавшая эти две должности, являлась значимой, так как могла проследить за тем, чтобы “рейхсвер не оказался слишком сильно втянутым в политику”. Исходя из опыта общения рейхсвера с властью в кризисный 1923 г., Шлейхер сделал вывод о том, что “нельзя править, не опираясь на широкую народную поддержку”. Чтобы успокоить общественное мнение, Шлейхер в своем правительственном заявлении подчеркнул, что “плохо сидеть на острие штыка”. В соответствии с этим он отказался от использования полиции в качестве вооруженной силы против населения, что было введено при Ф. фон Папене.

В конце января 1933 г. Шлейхер оказался изолирован не только среди политиков, но и в рейхсвере. Такие его предложения, как организация военного воспитания юношества, привлечение союзов обороны к начальному военному образованию под патронажем армии, были направлены на подготовку “человеческого потенциала, людского резерва” к будущей ремилитаризации, на расширение политической массовой базы и обеспечение формирования новой военной элиты. Таким образом, Шлейхер хотел привлечь рейхсвер к открытой борьбе за власть. Речь шла о демократической структурной реформе, которая должна была дополнить реформирование армии через создание так называемой “милиции”. Идея создания милиции могла приглушить дальнейшее стремление Германии к вооружению и ревизии Версаля, но военные союзы почувствовали в этом угрозу своему существованию. Этому также воспротивились партии, союзы и армия. План по созданию милиции должен был в перспективе привести к решающим изменениям военной структуры. Он касался прежде всего элитарных представлений о солдатской профессии. В ведущих группах рейхсвера начался раскол. Остро дискутировалась идея создания милиции на основе СА⁴⁹ как альтернатива концепции профессиональной армии.

После убийства Шлейхера и его жены в “ночь длинных ножей” в 1934 г. гестапо приложило немало стараний, чтобы прекратить расследование как со стороны криминальной полиции, так и потсдамской комиссии по расследованию убийств. То, что это была “акция СС, стало известно в 1952 г. из доклада судебного асессора доктора Грюцнера”⁵⁰. Сопратники Шлейхера Э. Планк и К. Хаммерштайн-Экворд считали, что Шлейхер, как и Ф. фон Бредов, пал жертвой режима, поэтому рейхсвер должен вступить за своих офицеров и хотя бы выразить протест. Но, например, полковник В. Райхенау, получивший в армии известность своими контактами с НСДАП, заявил, что хотя убийство Шлейхера это, конечно, болезненный удар по армии, но Шлейхер уже давно перестал быть солдатом, так как превратился в заговорщика. Так рейхсвер решил выйти из сложившейся ситуации: раз Шлейхер – не солдат, то не может идти речи о защите его чести. Попытка открыто реабилитировать в офицерской среде Шлейхера и его заместителя фон Бредова, также расстрелянного в ходе “путча Рёма”, не удалась.

Хотя Шлейхер и стал “кардиналом в политике”, он был одиночкой. Без сомнения “армия стояла за ним”, но не в понимании времен Секта, а с точки зрения использования “воли рейхсвера” как противовеса военным формированиям НСДАП, чей руководитель казался только “барабанщиком”.

Концепция авторитарной “модернизации сверху” Шлейхера недооценила силу политически организованных общественных групп и подорвала его собственные позиции среди влиятельных военных группировок. Он натолкнулся на серьезное сопротивление мощной коалиции, куда входили защитники “чистой армии”, организованной на основе всеобщей воинской повинности и руководимой профессиональными военными, а также сил, предпочитавших радикальные внутривнутриполитические решения, которые бы впредь извлекли рейхсвер от прямого политического ангажемента.

⁴⁹ *Strenge I. Kurt von Schleicher. Politik im Reichswehrministerium am Ende der Weimarer Republik. Berlin, 2006, S. 16–22.*

⁵⁰ *Vogelsang T. Op. cit., S. 105.*

Участники данной коалиции выступали за независимое и одностороннее вооружение Германии без каких-либо ограничений. Возможность реализовать эту концепцию они видели во взаимосвязи с самым сильным массовым “национальным” движением – НСДАП. Правительство Гитлера представляло собой своего рода “Антанту”, состоявшую из групп традиционной элиты и руководства гитлеровским движением. Рейхсвер внутри этой “Антанты” занимал особое место⁵¹.

Как следует из вышесказанного, роль и значение профессиональных военных в составе правящей политической элиты изменились за период Веймарской республики. После поражения Германии гражданские лица взяли на себя всю тяжесть ответственности за военное поражение Германии. Во главе первого министерства рейхсвера встал бывший парламентарий, специализировавшийся по вопросам военной сферы; во главе последнего – профессиональный военный, ставший политиком и получивший название “политического генерала”. В том и другом случае рейхсвер являлся активным участником политической жизни государства, но в первом случае – как составная часть демократического государства, стоявшая на защите республиканского порядка; во втором – как политический инструмент для установления авторитарного режима, близкого к военной диктатуре.

Таким образом, если в 1919 г. казалось, что рейхсвер, сохраняя внутреннюю политическую специфику, согласился подчиниться представителям новой политической элиты – хотя бы ради предотвращения ультралевого переворота или чреватого интервенцией Антанты военного путча, – то уже за несколько лет до прихода к власти нацистов сосредоточенные усилия военных по возвращению естественного, по их мнению, порядка вещей взяли свое даже при сохранении республиканского устройства. Лояльность последнему оставалась скорее показной, а демонстративные отступления от нее пресекались политическим руководством главным образом из-за нежелания обострять и так накаленную обстановку в Веймарской республике. После того как в 1926 г. Г. фон Сект вынужден был после конфликта с рейхсверминистром Гесслером уйти в отставку, следующий крупный скандал в 1928 г. закончился поражением последнего, а его пост достался ушедшему из рейхсвера еще в 1919 г. Грёнеру. Сколь бы ни считали его “своим” в политической элите⁵², генерал-лейтенант Грёнер был и оставался в первую очередь кадровым военным, хотя и иного типа, нежели активно включившиеся в политическую жизнь радикалы во главе в Людендорфом. Его приход на пост министра рейхсвера означал, что формальное подчинение армии гражданскому лицу приобретает откровенно иллюзорный характер. Еще более очевидно это стало при переходе во второй половине 1932 г. этого поста, а затем и полномочий рейхсканцлера к кадровому генштабисту К. фон Шлейхеру. К 30 января 1933 г. военные оказались вновь не только во главе армии, но и правительства, чего не было с конца XIX в. Однако, несмотря на явное нежелание допускать к власти парvenu, престарелый фельдмаршал и рейхспрезидент П. фон Гинденбург был вынужден поручить формирование кабинета А. Гитлеру. Иллюзии военных о том, что при условии передачи им полного контроля над вооруженными силами они в любом случае смогут стабилизировать ситуацию в стране так, как это удалось Г. фон Секту с помощью чрезвычайных полномочий в 1923–1924 гг., быстро рассеялись. Первым в этом пришлось разочароваться К. фон Хаммерштайн-Экворду⁵³, однако это было только начало из списка тех военных, кто так упорно желал ликвидации конституционных особенностей Веймарской республики и возвращения к довоенной модели взаимоотношения армии и государства, а затем оказался лицом к лицу с куда более пагубным для Германии политическим режимом.

---

⁵¹ Müller K.J. Deutsche Militär-Elite in der Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges. – Die deutschen Eliten und der Weg in den zweiten Weltkrieg. München, 1989, S. 226–290.

⁵² Грёнер из уважения к условностям политической этики Веймарской республики, предполагавшим, что министр рейхсвера должен был гражданским лицом, даже на маневрах рейхсвера присутствовал в штатском платье, хотя как отставной военный вполне имел право носить генеральский мундир.

⁵³ См. подробнее: Enzensberger M. Hammerstein oder der Eigensinn: eine deutsche Geschichte. Frankfurt a.M. – Wien – Zürich, 2008.